

УДК 392.37
ББК 60.542.2
DOI 10.25281/2072-3156-2021-18-3-300-309

К.А. ЯРУШИНА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МОЛОДОЙ ПЕРМСКОЙ СЕМЬИ

Ксения Андреевна Ярушина,

Пермский государственный институт культуры,
кафедра культурологии и философии,
преподаватель
Газеты «Звезда» ул., д. 18, Пермь, 614000, Россия
ORCID 0000-0003-0545-7248; SPIN 7357-1597
E-mail: zl_ks@mail.ru

Реферат. Статья посвящена рассмотрению гендерной культуры в одном из самых закрытых и локальных социокультурных институтов — семье. Актуальность темы определяется антропологическим поворотом в современном гуманитарном знании и вовлечением в научный оборот новых данных, полученных в результате применения техник кейс-стади и полужформализованного интервью для опроса респондентов. На основе полученных интервью были реконструированы противоречивые формы гендерной идентичности в молодой супружеской паре города Перми. В статье материалы интервью респондентов представлены в виде нарративов. Постепенно происходит конструирование гендерной идентичности

в новой для респондентов культурной институции — собственной семье. В нарративах героев наблюдается конфликт между символическим самоопределением и действительными практиками. На ранних этапах взаимоотношений ведущую роль исполняет мужчина, он объективирует женщину и единолично принимает решение о начале отношений. Далее происходит обратное: активная роль мужчины сменяется пассивной, инициатива переходит к женщине, которая повторяет поведенческие практики мужчины. Наряду с этим выясняется, что в повседневности респонденты наполняют роли супруга и супруги особым содержанием. Роль супруги воплощается в материнских практиках по отношению к мужу, а роль супруга связана с исполнением практик ребенка по отношению к жене. Семья представляет собой «перевернутый» патриархальный тип отношений, в котором женщина занимает доминирующие позиции, при этом идентифицируя себя с послушной и покладистой супругой.

Ключевые слова: антропология семьи, гендерные роли, гендерная идентичность, конструирование гендера, брачные практики, ген-

дерный статус, современный город, традиции, кейс-стади, культурная антропология.

Для цитирования: Ярушина К.А. Антропологическое исследование молодой пермской семьи // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 3. С. 300–309. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-3-300-309.

Тема семьи является предметом дискуссий современного гуманитарного знания. В работах Т.А. Гурко разрабатывается методологический аппарат изучения семьи, актуализируются методологические принципы социологического исследования, выявляются основные тенденции развития института семьи [1; 2]. Помимо общероссийских исследований социальная проблематика семьи рассматривается в локальных проектах. О.Н. Калачикова и М.А. Груздева, изучив семьи Вологодской области в 2011, 2014 и 2017 гг., определили, что «в обществе сохраняется доминирование патриархального типа семьи, однако молодые люди все чаще реализуют в семейных отношениях принцип полного равенства супругов и солидарной ответственности» [3, с. 65]. Среди отечественных трудов первой половины 2000-х гг. можно встретить работы, посвященные воспроизводству социальной роли мужчины в семье. Например, под руководством А.М. Михеевой в 2001–2002 гг. и в 2006–2007 гг. состоялись исследования семей городов Сибири, в ходе которых была зафиксирована тенденция «установления гендерного баланса» в семье [4, с. 149]. Исследованию социального положения молодой семьи в Прикамье посвящена монография пермских социологов, изданная в 2005 г. [5]. В то же время нам представляется, что в изучении семьи недостаточное внимание уделяется микромиру семейной пары. Цель данной статьи — реконструкция гендерных идентичностей и соответствующих им практик в масштабе одной молодой семьи.

Для начала дадим несколько рабочих определений. «Молодая семья — это семья в первые три года после заключения брака, где оба супруга не достигли 30-летнего возраста» [6, с. 7].

Методологическим основанием исследования выступает тезис, предложенный Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной в ключе теории социального конструирования гендера, — «гендер создается каждый момент, здесь и сейчас, для понимания его оснований необходимо обратиться к анализу микроконтекста социального взаимодействия» [7, с. 162]. Под гендерной идентичностью понимается осознание собственной принадлежности к мужскому или женскому сообществу. Согласно И.С. Кону, гендерная идентичность «вырабатывается в результате сложного взаимодействия природных задатков индивида и соответствующей социализации, причем активным участником процесса является сам субъект, который принимает или опровергает предлагаемые ему роли и модели поведения» [8, с. 19]. Однако, гендер является феноменом не статичным, а постоянно становящимся, развертывающимся и несущим в себе способность к изменению [9, с. 47]. М. Киммел называет гендер «некой вещью — определенным набором типов поведения, продуцируемых в определенных социальных ситуациях» [10, с. 155].

Для изучения механизма проявления гендерной идентичности был выбран метод кейс-стади. Он позволяет подробно рассмотреть локальный случай, произошедший в конкретном месте и в определенное время как уникальное, неповторимое в других условиях целостное явление [11]. Фокусируясь на повседневности, этот метод обнажает «жизнь людей с бытовыми конфликтами, интеракциями и моделями поведения», вскрывая проявления гендерного начала [12, с. 197]. Данный метод выявляет не только смысловое наполнение обычных повседневных действий, но и обстоятельства, в которых проявляются культурные паттерны. Кейс-стади используется в ситуациях, когда массовые опросы не применимы в условиях фрагментации современной городской культуры. Зачастую метод кейс-стади не является репрезентативным, поскольку он показывает явление в его индивидуальном выражении. Однако если с помощью этого метода изучаются распространенные ситуации, определенные по своему социальному характеру индивиды, то исследователь имеет право верифицировать эти явления как релевантные по

отношению к большому сообществу или социальной группе. Заключение брака — массовое явление, причем зачастую возраст молодоженов не превышает 30 лет. Исследование проводилось на территории Перми — типичного «крупного промышленного города-миллионника, расположенного в центре России» [13, с. 131]. Опираясь на представленную методологию и определенную типичность городской среды, можно утверждать, что явления, обнаруженные в ходе исследования, могут повторяться во всех крупных городах России.

Семья является одним из самых закрытых социальных институтов, о котором принято говорить, используя положительные коннотации: «У нас все нормально» [5, с. 6]. Поэтому с целью получения подлинной и исчерпывающей информации о гендерной идентичности было принято решение об использовании в рамках технологии кейс-стади метода полуформализованного интервью. Качественное исследовательское интервью позволяет понять мир с точки зрения собеседника, раскрыть смысл его переживаний и описать противоречивый человеческий мир [14]. Отказ от широты охвата компенсируется «глубиной» исследования, т. е. детальным изучением социального явления в его целостности и непосредственной взаимосвязи с другими явлениями [15, с. 8].

В рамках работы был разработан гайд, состоящий из трех тематических блоков: брачный выбор, подготовка свадебного торжества, свадебное торжество. Исследование фокусировалось на брачной церемонии, поскольку она представляет собой комплекс событий и действий, о которых легко и приятно рассказывать. При этом символы и ритуалы события выходят на передний план, являясь предметным воплощением гендерной идентичности.

Выборка респондентов осуществлялась по таким критериям, как зарегистрированный брак и последующее торжество, организованное в период 2016–2019 гг. в Перми. Всего было опрошено 13 молодых семей, средняя продолжительность беседы с мужчиной составила 75 мин., с женщиной — 100 минут. При обработке материалов интервью выяснилось, что каждая молодая семья конструирует свою, понятную лишь супругам реальность. И в этой реальности причудливо переплетаются соци-

альные роли (правила, приписанные определенной культурой к статусу) и гендерные роли (правила, приписанные определенной культурой к эталонному мужскому или женскому поведению).

В данной статье мы детально рассмотрим воплощение гендерных и социальных ролей на примере первого кейса — одного из возможных вариантов современной патриархальной семьи.

Патриархальная семья является переходным институтом от парной модели отношений к моногамной [16]. В XIX в. носителем патриархальных семейных ценностей являлась сельская община. Она представляла собой совокупность домохозяйств, которые состояли из многопоколенных семей. В общине господствовал принцип полоролевого подхода: все работы делились на мужские и женские. Мужчины занимались тяжелым трудом в поле, женщины — детьми и домашним хозяйством.

Рассматривая советскую семью последней трети XX в., С.И. Голод пишет о сохранении некоторых принципов патриархальной семьи: смене фамилии жены на фамилию мужа, сватовстве и привилегии мужчины принимать решения [17, с. 113]. Семьи с подобным укладом представляют собой модернизированный патриархальный вариант. Таким образом, семья все еще остается одним из наиболее консервативных социальных образований, сопротивляясь тенденции постепенной либерализации нравов, все более явно проявляющейся в культуре [18, с. 28].

Отталкиваясь от традиционных представлений о патриархате, перейдем к иллюстрированию его проявлений в современной гендерной культуре на примере семейной пары: мужчина 25 лет (далее — Л.) и женщина 27 лет (далее — А.), оба партнера имеют высшее образование.

Будущие супруги познакомилась на игре региональной лиги КВН Прикамья. Команда Л. искала певицу для творческого номера. Случилось так, что именно А. согласилась выступить. Однако Л. уже имел представление об А. еще до знакомства: «За неделю до игры капитан команды отправил нам видео с ней, я успел сказать: “Чур моя”»¹. Эта фраза респондента гово-

¹ Видеозапись была отправлена в чат участников команды в социальной сети ВКонтакте.

рит о многом. Выражение «чур моя» воплощает следование традиционной модели отношений, когда инициатива общения исходит от мужчины, а женщина объективируется, т. е. превращается в желаемый предмет, который можно присвоить себе или по крайней мере заранее обозначить свои права на него. Мы полагаем, что герой согласен с такой характеристикой, поскольку описывает себя следующим образом: «Я, когда знакомлюсь с девушкой, сразу все козыри выдаю: могу шевелить ушами, играю на гитаре, пою песни».

Личная встреча героев произошла в гримерной Л.: «Я на тот момент переодевался и сказал: “Смотрите, только познакомились, а я уже без штанов”». А. тоже процитировала эту фразу, добавив: «И я как-то так посмеялась: ну, кавээнщик, смешной он». В этой ситуации героиня присваивает Л. некоторые аскриптивные характеристики: фраза, сказанная Л., является смешной, поскольку она была озвучена именно кавээнщиком. Иными словами, культурные традиции героев не совпадают. Л. ведет разговор в ключе традиционной модели, А. же не воспринимает его в качестве мужчины, он лишь смешной и разговорчивый кавээнщик.

Далее знакомство героев продолжилось благодаря инициативе Л. «Мне не понравилось, что А. добавила всех из команды, кроме меня. И я сам ее добавил, мы начали общаться»². Заметим, что герои не продолжают живое общение, они используют нормы современной молодежи, поддерживая коммуникацию во Всемирной паутине. Причем, ведущая роль оказывается перехвачена А. Героиня решает «обмениваться контактами» со всеми членами команды, кроме Л. Таким поступком А. не просто задевает самолюбие героя, она ставит под вопрос намерения Л., воплощенные во фразе «чур моя». Сложно предъявлять свои права на того, кто не хочет с вами общаться даже в социальных сетях. В рамках современных технологий знакомства Л. проиграл, поэтому решил перейти к традиционной форме общения — личной встрече. Оговоримся, что на раннем этапе знакомства было три встречи героев, инициатором которых выступил Л. Для рекон-

струкции более полной картины рассмотрим их в хронологической последовательности.

Первая личная встреча героев состоялась в кинотеатре 27 декабря 2014 года. Л. описывает ее так: «Девушка сказала, что было бы хорошо сходить в кино. Я сказал: “Намек понят” и пригласил ее в кино. В итоге оказалось, что она не намекала, действительно просто хотела сходить в кино»³. А. иначе воспринимает эту ситуацию: «Я вообще думала, что они командой собираются, а потому прихожу — он там один, получилось свидание». Позже А. рассказывала, что Л. «считал, что мы с 27 декабря уже пара, а я была не в курсе». Опишем эту ситуацию в терминах гендерной культурологии. Согласно И.Л. Когану, «гендерная идентичность может считаться информационным фильтром, просеивающим, отсеивающим или преломляющим информацию» [19, с. 155]. В этом смысле Л. повел себя «по-мужски»: услышал то, что хотел услышать и воспринял поход в кино как начало близких отношений, не выслушав мнение другой стороны. Наша оценка подтверждается его действиями на следующем свидании 2 января 2015 г. в ресторане, где молодые люди обменялись подарками: «Я ему подарила тетрис, он ни к чему не обязывал, а он мне подарил серебряную подвеску скрипичный ключ». Драгоценность можно считать предметным воплощением намерений Л. Как видим, обмен подарками героев с точки зрения экономики не является равноценным. Если обратиться к концепции М. Мосса [20], то неравноценность подарков, во-первых, свидетельствует о неравенстве во взаимоотношениях, а, во-вторых, тот, кто делает бóльший подарок, претендует на доминирование в этих отношениях. А. принимает подарок, тем самым соглашаясь на неравные отношения и на то, чтобы «быть его девушкой», т. е. в перспективе принадлежать данному мужчине. В этом символическом обмене Л. ждет ответных чувств от героини.

Третья, кульминационная встреча произошла 8 января 2015 года. Наши герои поехали в гости к друзьям. А. вспоминает, что «там мы начали целоваться, лишние границы — все... после этого мы уже не могли друг без друга».

² А. добавила в личный аккаунт социальной сети ВКонтакте странички всех членов команды.

³ Диалог осуществлялся посредством переписки в социальной сети ВКонтакте.

Героиня уточняет, что предыдущие встречи она «воспринимала просто как общение, но в итоге решили, что 8 января у нас дата». Мы видим расхождение в датах. Напомним, что герой считал датой начала отношений поход в кино 27 декабря 2014 года. Однако А. убедила его передвинуть памятную дату на несколько дней вперед, тем самым проявив свое доминантное начало. С этого момента для героини начинаются «полноценные отношения». Уточним, что на раннем этапе отношений Л. проживал не в Перми, поэтому «он приезжал в пятницу с работы на электричке в Пермь, оставался у меня, ну как бы нормальные уже были отношения, полноценные». Для героини полноценные отношения являются таковыми только в совокупности с интимной близостью.

А. вспоминает, что в период знакомства они с Л. обсуждали правила взаимного поведения:

«Он говорил, что если что-то случится, то один раз простит, второй раз простит, третьего раза не будет... и что он не терпит ругани, только конструктивный разговор для него важен, и для меня так-то тоже».

«Про друзей он, например, говорил, что моя девушка должна с ними хорошо общаться или если они не общаются, мы будем видеться отдельно. Для него важно это было. Его друзья приняли меня как девушку».

Данные высказывания очень любопытны. Мы видим, что в установлении правил поведения доминирует Л. Несмотря на то что в первом высказывании неясно, что именно может случиться, в нем читается явная угроза прекращения отношений в определенных условиях. Л. предъявляет требования к будущей спутнице жизни: соблюдение (неведомого нам) социального порядка, вербальной дисциплины и умение выстраивать коммуникацию с референтной группой — друзьями. Звучание этих постулатов именно из уст женщины означает, что героиня сосредоточила внимание на этих словах, старалась следовать им. Принятие мужских правил было заложено в ее культуре. Подтверждением этого является фраза А.: «Я понимала, что под мужчину нужно подстраиваться, т. е. если бы я была вспыльчивая, неадекватная, вряд ли бы мы сошлись». Итогом принятия условий игры становится успешное знакомство женщины с друзьями Л.: «Она со всеми нормаль-

но коммуницировала, не говорила: “фу, не хочу с ними общаться”».

Следующим этапом отношений стало знакомство с матерью героя. После встречи А. получила одобрение будущей свекрови, выраженное в призыве к Л. — «не потеряй». Примечательно, что в отношении предыдущих друзей сына мать подобных советов не давала. Отметим, что ее мнение имеет особое значение для мужчины, поскольку он воспитывался в неполной семье и в настоящее время не поддерживает контакт с отцом. Это выяснилось в процессе обсуждения списка приглашенных на свадебное торжество: «На свадьбу моего папу не приглашали, были мама, друг мамы, бабушка и несколько двоюродных сестер».

Изначально позиция Л. по вопросу организации свадебного торжества была лаконична: «Делай, как хочешь, ввиду наших финансовых возможностей». Герой «предлагал какие-то свои варианты, она с ними соглашалась, либо нет»⁴. Иными словами, ведущая роль Л. оказалась фикцией, в какой-то момент он потерял контроль над организацией свадьбы. Подтверждением этого являются некоторые эпизоды из интервью с Л. Предсвадебная фотосессия была выбрана, поскольку «уже была в пакете услуг» и «А. хотела, чтобы у нас была такая фотосессия». Площадка для проведения праздника и платье невесты должны были гармонизировать друг с другом: «У А. было 3–4 версии платья под каждую площадку». Свадебное торжество было «в сиреневых тонах, потому что А. нравится сиреневый». Л. вспоминает, что с этой целью «галстук нужно было априори выбирать с ней».

Интересно, что сама героиня воспринимает процесс подготовки торжества как череду взаимных соглашений: «Свадьба компромиссная вся была такая». А. рассказывает о том, что «с Л. постоянно советовалась, спрашивала, как ты думаешь». Однако слова женщины расходятся с ее действиями: озвученные решения не являются равноценными для обоих героев. Описывая концепцию праздника, А. заявляет, что «мы хотели немного пошалить». Шалость заключалась в использовании на свадьбе нескольких платьев невесты: платья А-силуэта с длин-

⁴ Под вариантами понимаются идеи, предложения.

ным шлейфом для торжественной регистрации брака и короткого платья «для того, чтобы я была мобильна и могла танцевать». Мужчина же довольствовался одним костюмом, который был выбран самостоятельно. Герой попросил будущую супругу «хоть это оставить мне полностью». Также Л. активно высказывался за проведение тематической фотосессии «Утро жениха»: «Это был момент, который я отстаивал на нашей свадьбе. Я сказал: “Я застолбил, это будет однозначно”». Употребление в речи такой выразительной лексики говорит о желании героя «восстановить» баланс сил — он пробует вернуть свою ведущую роль или хотя бы оставить за собой последнее слово в решении некоторых вопросов. Так, мужчина беспрекословно выбрал ведущего и видеографа. А. вспоминает: «Л. сказал, что ведущим будет М. Это его друг, и это даже не обсуждалось. Муж сказал, что у него есть знакомый оператор, он будет видеографом». Женщина не критиковала решения мужчины, но негативно высказалась о работе выбранных им людей. Героиня отметила, что «ведущий провел только блок поздравлений. Видимо, была еще программа, конкурсы или что-то еще, но не получилось. В зале было очень душно, народ начал выходить курить, они не могли собраться, было не скоординировано». Комментарий о работе видеографа был лаконичен: «Я пожалела об этом. Мы сэкономили, но я считаю, что экономия была неоправданной». Очевидно, что желания Л. относительно некоторых деталей свадьбы были удовлетворены, но занять главенствующую роль ему не удалось. А. не признает правильность действий мужчины. Добавим, что в своем интервью Л. демонстрировал согласие со всеми действиями А.

Дополнительным аргументом, показывающим передачу пальмы первенства, является фрагмент интервью с А.:

— «Все организационные свадебные решения согласовывались с тобой?

— Да, со мной, с Л. Все равно я должна была все подтвердить. Например, файер-шоу. Я сказала, что хочу, чтобы день закончился файер-шоу. Мне назвали стоимость. Я сказала: “Хорошо”. Мы заказали “горящие сердца”».

Несмотря на то что женщина говорит о компромиссе и обсуждении деталей свадебного торжества с Л., она принимает решения самос-

тоятельно. Мы видим явное расхождение между самопрезентацией героини и ее реальными действиями.

Реконструируя процесс подготовки к свадебному торжеству, мы хотим представить в качестве отдельной темы отношения А. и ее матери. Героиня часто объясняет мотивы своих поступков фразой «чтобы родители были довольны». Уточним, что отец А. не смог приехать на свадьбу, поэтому под родителями героиня подразумевает авторитетную мать. Подкрепим наш вывод несколькими иллюстрациями. Рассказывая о выборе даты свадьбы, А. вспоминает, что «мы выбирали дату, чтобы всем было удобно... мама конкретно брала неделю на это»⁵. День свадьбы был простроен по аналогии со свадебным маршрутом родителей А.: «Мы расписались в ДК, как они, доехали на трамвае до места, где они жили. Наш бар был у того места, на той остановке, до которой они доехали... Я отдала дань уважения родителям... Я думаю, для мамы это было важно». Выбор свадебного платья был аргументирован в этом же ключе: «У меня было платье принцессы — это для родителей». В процессе подготовки к свадьбе героиня исполняет роль «хорошей дочери», объясняя свои действия желанием «отдать дань уважения родителям», т. е. матери.

Еще одним эпизодом, подтверждающим ход наших рассуждений, является воспоминание героев об одном из свадебных подарков — туристической путевке в Турцию. Л. объяснил, что «это был подарок родителей А., это было очень здорово». Героиня тоже отметила этот подарок, но в ином ключе. На уточняющий вопрос по поводу места путешествия женщина ответила: «Нет, мы не выбирали место. Нам подарили путевку в Турцию. Ну я выбрала путевку. Мама сказала, что нужно на море». Мы наблюдаем противоречие: мужчина полагает, что подарок был сделан от обоих родителей супруги, а женщина акцентирует внимание только на матери. А. знает, что инициатива подарить путешествие исходила от матери. Скорее всего, именно она исполняет главенствующую роль в доме. С этой точки зрения становится более

⁵ Говоря про «всех», А. имеет в виду своих родственников.

Таблица

Характеристика героев

Женщина о мужчине	Мужчина о женщине
Он умный и красивый	Она была веселая и сразу же согласилась пить с нами шампанское (речь идет о первой встрече. – К. Я.)
Для меня важно, что у него есть высшее образование	Она спокойная, не выдумывает поводов, чтобы обидеться, не истеричка
У него есть стабильная работа, он получает зарплату и сразу переводит мне деньги, говорит: «Вот на коммуналку, вот на питание, распределяй все сама»	Она умеет то, чего я не умею: оплачивать счета, ходить куда-то разбираться. Она разбирается почти во всем, она, по-моему, все знает
Он может уйти вообще из квартиры и еще что-то, чтобы я успокоилась	Она самостоятельная и максимально заботливая
– Ты его слушаешься? – Да, всегда. Если не слушаюсь, то он должен думать, что я слушаюсь его	Ей нравится то, что я делаю. Ей все нравится, хотя даже мне не нравится

понятным проявлении доминанты А.: героиня воспроизводит поведенческие образцы матери.

Восстанавливая события дня свадьбы, героиня рассказывает о двух регистрациях брака: официальной и неофициальной. Первая состоялась рано утром в ЗАГСе, «где-то на Комсомольской площади, не помню где. Меня привели, я еще спал тогда». Неофициальная или торжественная регистрация брака проходила днем во Дворце культуры, на ней присутствовали все гости свадебного торжества. Л. рассказывает, что перед выходом к гостям он с невестой находился в отдельном помещении, где «старалсяшний раз не говорить ничего, потому что одно слово мимо — и в тебя полетит яростный взгляд». Высказывания героя не просто вновь олицетворяют ведущую роль А., они демонстрируют его полное подчинение женщине. Роль «настоящего мужчины» осталась в прошлом. Свидетельством этого является комментарий Л. о возможности изменить что-то в день свадьбы: «Я бы подстригся по-другому и не брился бы так сильно. Я очень-очень слишком сильно юным выгляжу на фотографиях».

Проявление доминантной позиции А. отражается во фразе: «Я сказала: “У нас первая брачная ночь, так что ты не смотри, что такой уставший”». Героиня действует «в лучших традициях» патриархального восприятия реально-

сти. Она не просто занимает ведущую позицию, она объективирует героя, лишая его возможности выбора.

Рефлексируя над вопросом о привлекательных чертах характера своего партнера, героиня интервью дали определения друг друга, которые для наглядности и сравнения помещены в таблицу.

По высказываниям героев можно судить о наполнении гендерных идентичностей мужчины и женщины. С точки зрения А., мужчина должен иметь следующие характеристики: статусность — высшее образование и постоянный источник дохода; внешнюю привлекательность; спокойный и терпеливый характер. Мужчине подобает быть ведомым в отношениях и не всегда внимательным, для того чтобы была возможность им манипулировать. Большая часть характеристик А. относится к публичной сфере деятельности. По мнению Л., женщина должна быть хозяйственной, практичной, уравновешенной и заботливой. Ей обязательно должны нравиться все плоды творчества героя. Как писал советский и российский антрополог И.С. Кон, «все представления о мужественности и женственности покоятся на житейском здравом смысле и повседневном опыте» [21, с. 189]. Герой рос без отца, поэтому его характеристика супруги является отражением

образа матери, готовой поощрять любой его творческий порыв. Сам герой в семейной жизни руководствуется хорошо усвоенной моделью поведения — ролью сына. Он готов возложить ответственность за решение домашних вопросов на супругу, поскольку в период взросления скорее всего был отстранен от исполнения подобных обязанностей. В свою очередь, проявление сексуальности, в том числе сексуальных предпочтений, тесно связано со специфическими нормами социальной среды, где ребенок воспитывался [22, с. 202]. Поэтому в качестве спутницы жизни героем и была выбрана женщина, которая одинаково хорошо может заниматься домашним хозяйством и нести ответственность за жизнь семьи. В отношениях прослеживается гендерное распределение ролей. Л., отвечая на вопрос о воспитании будущего ребенка, рассуждает следующим образом: «Можно ему рассказать про правительство, про старые мультфильмы, про то, что нельзя мешать крепость напитков и сами напитки... А. может рассказать, как мыть посуду, как петь, много разных вещей».

Л., сравнивая два этапа своей жизни — до заключения брака и после, — говорит, что до встречи с А. его жизнь представляла «хаос... у меня не было каких-то целей... когда не понимаешь все, что происходит, все, что я делаю, что к чему, куда я еду. Я ходил на работу, чтобы не умереть». Сейчас наблюдаются совершенно противоположные процессы: «Сегодня — это что-то серьезное, целенаправленное и интересное, т. е. мы живем, мы знаем, что нужно сделать ремонт, зубы нужно чтобы все целые были, цель какая-то...».

Несмотря на ведущую роль в отношениях, А. отождествляет себя с ролью покорной жены, признающей авторитет мужа: «Любовь — это когда ты вовремя заткнулась, женщина». Такое высказывание подчеркивает приверженность героини к патриархальным взглядам на семью. Как уже было замечено ранее, быть носителем патриархальных представлений и быть их исполнителем — разные явления, которые лишь в выгодных условиях накладываются друг на друга, представляя одно целое.

Гендерная культура рассмотрена сквозь призму представлений и практик молодой семьи города Перми. Анализ этапов отношений

пары подтвердил озвученную в начале статьи аксиому — «гендер является результатом повседневных взаимодействий, требующих постоянного исполнения и подтверждения» [7, с. 160]. Герой нарратива идентифицировал себя с альфа-самцом и воспроизводил характерные практики, которые получали одобрение героини. Персонажи являлись носителями патриархальных представлений, что позволило мужчине и женщине адаптироваться друг к другу. На ранних этапах отношений демонстрируется традиционное распределение ролей: он — «завоеватель», она — «желаемый объект». Однако далее вскрывается противоречие между символическим (патриархальным) воплощением ролей и их предметным наполнением. Героиня, идентифицируя себя как покорная супруга, занимает ведущую роль в семейных отношениях, а герой довольствуется вторыми позициями. Вместе с тем по мере развития отношений герои обмениваются поведенческими стилями и поочередно объективируют друг друга.

Во время интервью только героиня позволила себе критиковать действия мужчины. С его стороны мы видим отсутствие каких-либо критических замечаний и полное принятие любых предложений женщины. Это связано с исполнением привычной для героя роли сына. Женщина же встраивается в данную систему отношений, исполняя для героя роль матери.

Рассмотренные нами отношения являются «перевернутым» образцом модернизированного варианта патриархальной семьи, о котором писал С.И. Голод [17]. Анализируя метод кейс-стади с точки зрения основной характеристики патриархальных отношений (принятие решений мужчиной), очевидна передача данных функций женщине: она занимается определением векторов развития семьи.

Список источников

1. Гурко Т.А. Понятие амбивалентности в изучении семейных отношений // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 63–73.
2. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 1. С. 31–54.
3. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины (на материалах социологического исследова-

- дования) // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 64–76.
4. Михеева А.Р. Мужчина в городской семье // ЭКО. 2008. № 11. С. 136–149.
 5. Лейбович О., Кабацков А., Шушкова Н. Социальный портрет молодой семьи в Прикамье : социологический очерк. Пермь, 2005. 207 с.
 6. Коряковцева О.А., Рожков М.И. Комплексная поддержка молодой семьи. Москва : ВЛАДОС, 2008. 204 с.
 7. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования : учебное пособие. Ч. 1 / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков : Харьковский центр гендерных исследований (ХЦГИ) ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. С. 147–173.
 8. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. Москва : Время, 2009. 494 с.
 9. Балдынцева Е.И., Бакланов И.С., Бакланова О.А. Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 43–51.
 10. Киммел М. Гендерное общество / [пер. с англ. О.А. Оберемко, И.Н. Тартаковской]. Москва : РОССПЭН, 2006. 458 с.
 11. Варганова Г.В. Кейс-стадис как метод научного исследования // Библиосфера. 2006. № 2. С. 36–42.
 12. Тищенко Н.В. Особенности применения метода кейс-стади в культурологических исследованиях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 197–199.
 13. Кабацков А.Н., Казанков А.И. Новая жизнь советского города // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19, № 2. С. 131–147.
 14. Квале С. Исследовательское интервью / [пер. с англ. М.Р. Мироновой] ; под ред. Д.А. Леонтьева. Москва : Смысл, 2003. 301 с.
 15. Белановский С.А. Глубокое интервью и фокус-группы : учебное пособие. Москва, 2019. 530 с.
 16. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. URL: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2014/3/1281.pdf> (дата обращения: 27.04.2021).
 17. Голод С.И. Семья и брак : историко-социологический анализ. Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. 270 с.
 18. Флиер А.Я., Глазкова Т.В. Историческая эволюция социальных функций семьи и образы их символизации в культуре // Обсерватория культуры. 2014. № 6. С. 23–29.
 19. Коган И.Л. Гендерная культурология: культура пола и «пол» культуры. Минск : Ковчег, 2003. 333 с.
 20. Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисл., вступ. ст. и коммент. А.Б. Гофмана. Москва : Книжный дом — Университет (КДУ), 2011. С. 134–285.
 21. Кон И.С. Психология ранней юности : книга для учителя. Москва : Просвещение, 1989. 254 с.
 22. Кон И.С. Ребенок и общество : учебное пособие для студентов вызов, обучающихся по психологическим и педагогическим специальностям. Москва : Academia, 2003. 334 с.

Anthropological Study of a Young Perm Family

Ksenia A. Yarushina

Perm State Institute of Culture, 18,
Gazety “Zvezda” Str., Perm, 614000, Russia
ORCID 0000-0003-0545-7248; SPIN 7357-1597
E-mail: zl_ks@mail.ru

Abstract. *The article considers the gender culture in the family, one of the most closed and local socio-cul-*

tural institutions. The relevance of this topic is determined by the anthropological turn in modern humanitarian knowledge, and the involvement of new data in scientific circulation, which is obtained as a result of the use of case-study semi-formalized techniques for interviewing respondents. Thus, on the basis of the interviews received, there are reconstructed contradictory forms of gender identity in a young married couple in Perm. The article presents the materials of the respondents' interviews in the form of narratives consistently presenting the key stages of the relationship. Gradually, the narrative's characters begin to con-

struct a gender identity in a new cultural institution – their own family. There can be seen a conflict between the characters' symbolic self-identity and their real practices. The man takes a dominant role in the beginning of the relationship. He objectifies the woman and alone decides when to start the relationship. Then the situation changes. The man's dominant role is replaced with a passive one. The initiative goes to the woman, who repeats the man's behavior. At the same time, it turns out that in everyday life, the respondents fill the roles of the husband and wife with special content. The wife's role includes the mother's behavior towards her husband, and the husband's role includes the child's behavior towards his wife. The family is an inverse patriarchal type of relationship. The woman has a dominant role, but identifies herself as an obedient wife.

Key words: anthropology of family, gender roles, gender identity, gender construction, marriage practices, gender status, modern city, traditions, case study, cultural anthropology.

Citation: Yarushina K.A. Anthropological Study of a Young Perm Family, *Observatory of Culture*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 300–309. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-3-300-309.

References

1. Gurko T.A. The Concept of Ambivalence in the Study of Family Relations, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2020, no. 2, pp. 63–73 (in Russ.).
2. Gurko T.A. Theoretical Approaches towards Studying the Transformation of the Family Institution, *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2020, vol. 26, no. 1, pp. 31–54 (in Russ.).
3. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Gender Stereotypes in the Modern Family: Women and Men (On the Basis of a Sociological Research), *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2019, no. 1, pp. 64–76 (in Russ.).
4. Mikheeva A.R. A Man in a City's Family, *ECO Journal*, 2008, no. 11, pp. 136–149 (in Russ.).
5. Leibovich O., Kabatskov A., Shushkova N. *Sotsial'nyi portret molodoi sem'i v Prikam'e: sotsiologicheskii ocherk* [Social Portrait of a Young Family in the Kama Region: sociological essay]. Perm, 2005, 207 p.
6. Koryakovtseva O.A., Rozhkov M.I. *Complex Support for a Young Family*. Moscow, 2008, 204 p. (in Russ.).
7. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Social Construction of Gender: Feminist Theory, *Introduction to Gender Studies: textbook. Part 1*. Kharkov, St. Petersburg, 2001, pp. 147–173 (in Russ.).
8. Kon I.S. *Man in the Changing World*. Moscow, Vremya Publ., 2009, 494 p. (in Russ.).
9. Baldyntseva E.I., Baklanov I.S., Baklanova O.A. Gender Identity Studies in the Modern Social Theory: Research Features, *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2019, no. 2, pp. 43–51 (in Russ.).
10. Kimmel M. *The Gendered Society*. Moscow, 2006, 458 p. (in Russ.).
11. Varganova G.V. Case Studies as a Method of Scientific Research, *Bibliosfera* [Bibliosphere], 2006, no. 2, pp. 36–42 (in Russ.).
12. Tishchenko N.V. The Special Features of Case Study Method Application in Cultural Studies, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2015, no. 10, pp. 197–199 (in Russ.).
13. Kabatskov A.N., Kazankov A.I. New Life of Soviet City, *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 2010, vol. 19, no. 2, pp. 131–147 (in Russ.).
14. Kvale S. *InterViews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Moscow, 2003, 301 p. (in Russ.).
15. Belanovsky S.A. *In-Depth Interviews and Focus Groups: tutorial*. Moscow, 2019, 530 p. (in Russ.).
16. Engels F. *The Origin of the Family, Private Property and the State*. Available at: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2014/3/1281.pdf> (accessed 27.04.2021) (in Russ.).
17. Golod S.I. *Family and Marriage: Historical and Sociological Analysis*. St. Petersburg, 1998, 270 p.
18. Flier A.Ya., Glazkova T.V. The Historical Evolution of Social Functions of the Family and the Images of their Symbolization in Culture, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2014, no. 6, pp. 23–29 (in Russ.).
19. Kogan I.L. *Gender Cultural Studies: The Culture of Gender and the "Gender" of Culture*. Minsk, 2003, 333 p. (in Russ.).
20. Mauss M. The Gift (essay), *Societies. Exchange. Personality: works on social anthropology*. Moscow, 2011, pp. 134–285 (in Russ.).
21. Kon I.S. *Psychology of Early Youth: teacher's book*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1989, 254 p. (in Russ.).
22. Kon I.S. *Child and Society: textbook for university students studying in psychological and pedagogical specialties*. Moscow, 2003, 334 p. (in Russ.).